

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К.В. ОБИДИН

Обидин Кирилл Вячеславович, аспирант кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина.

Исходя из решений ЕСПЧ определение правового статуса лиц, содействующих ОРД, имеет уголовно-процессуальное значение и влияет на рассмотрение вопроса о справедливости судебного разбирательства. Для предотвращения провокации при проведении ОРМ необходимо предъявлять различные требования к информации, получаемой от частных лиц, выступающих в роли заявителей, и лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими ОРД.

Ключевые слова: ЕСПЧ; ОРД; ОРМ; правовой статус; лицо, оказывающее содействие органам, осуществляющим ОРД; провокация; показания с чужих слов.

Some peculiarities of the legal status of persons assisting the organs carrying out investigative activities

K.V. Obidin

Obidin Kirill Vyacheslavovich, Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure Law at the Kutafin State Law University (MSAL).

According to the decisions of the ECHR, the definition of the legal status of persons contributing to investigative activities, is based on criminal procedure and affects the process of considering the issue of fairness of a trial. To prevent manifestations of provocation when conducting investigative activities it is necessary to impose different requirements for information to be received from individuals acting as complainants and persons are cooperating with authorities conducting investigative activities.

Key words: ECHR, investigative activities, investigative measures, legal status, person assisting authorities involved in investigative activities, provocation, hearsay evidence.

При осуществлении доказывания по некоторым категориям дел, особенно отличающихся высокой латентностью, реконструкции преступления бывает

недостаточно. В ситуациях, когда, например, взятодатель и взятополучатель проявили высокую готовность к даче и получению взятки и оба остались удовлетворенными совершенным деянием, доказывание преступления представляет значительные трудности. Проведение встроенного наблюдения с использованием лиц, участвующих в инсценировании преступления, безусловно, может способствовать достижению целей уголовного судопроизводства. Однако инсценировку преступления при проведении оперативного эксперимента или оперативной закупки не всегда можно отличить от провокации <1>.

<1> См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристь, 2000. С. 268 - 274.

Судебная практика периодически отмечает проблемы, связанные с таким проведением оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), которые не позволяют использовать результаты мероприятия в процессе доказывания. Одной из причин данной ситуации является, на наш взгляд, неопределенный статус лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам.

В законах о правоохранительных органах, занимающихся оперативно-розыскной деятельностью (ОРД), имеются указания на полномочия этих органов и описание некоторых условий, предопределяющих сотрудничество с гражданами.

Среди нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, в первую очередь необходимо выделить Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности", в котором не только дано определение понятия лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам, но и оговорены некоторые гарантии для данной категории граждан <2>.

<2> Глава IV (ст. ст. 17, 18) Федерального закона от 12.08.1995 N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" // СПС "КонсультантПлюс".

Федеральный закон "О полиции" предусматривает, что полиция для выполнения возложенных на нее обязанностей имеет право "привлекать граждан с их согласия к внештатному сотрудничеству; устанавливать негласное сотрудничество с гражданами, изъявившими желание конфиденциально оказывать содействие полиции на безвозмездной или возмездной основе..." <3>. А в Федеральном законе "О Федеральной службе безопасности" данному вопросу посвящена отдельная статья, определяющая права и обязанности лиц, содействующих органам федеральной службы безопасности <4>.

<3> Пункт 34 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 N 3-ФЗ "О полиции" // СПС "КонсультантПлюс".

<4> Статья 19 Федерального закона от 03.04.1995 N 40-ФЗ "О Федеральной службе безопасности" // СПС "КонсультантПлюс".

Изучение постановлений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), признавших нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод <5> (далее - Конвенция) при проведении таких ОРМ, как оперативный эксперимент и проверочная закупка, показало, что одними из оснований принятия этих решений являлись проблемы доказывания в случаях, когда органам, осуществляющим ОРД, оказывалось содействие гражданами с неопределенным статусом. При этом доказательства, полученные в результате ОРД (наиболее распространенными были дела об обороте наркотических веществ и взяточничестве), являлись основными в процессе доказывания по рассмотренным делам.

<5> Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с Протоколом N 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом N 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС "КонсультантПлюс".

ЕСПЧ рассматривает вопрос о форме взаимодействия, исходя не из принципиальных установок и общих положений, а содержательно, учитывая специфику взаимодействия в каждом конкретном случае с точки зрения обеспечения конвенциональных положений, обеспечивающих справедливость правосудия.

Анализ допущенных ошибок потребовал обсуждения вопроса о том, кто и в каком качестве входит в круг лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД. Статья 17 Закона "Об оперативно-розыскной деятельности" позволяет выделить критерий классификации этих лиц - наличие или отсутствие контракта, а также общее требование к сотрудничеству со всеми лицами - конфиденциальность.

Таким образом, среди лиц, содействующих ОРД, возможно выделить группы граждан, различающиеся по форме взаимодействия с правоохранительными органами <6>.

<6> Подробнее о лицах, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, см.: Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009. С. 22; СПС "КонсультантПлюс".

Определяющим с точки зрения процесса доказывания следует считать разграничение **частного лица, заявляющего о преступлении** (private individual), и **полицейского сотрудника или информатора** (the police collaborator or informant) <7>.

<7> Пункт 91 Постановления ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. по делу "Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации", жалобы N 23200/10, 24009/07 и 556/10 // СПС "КонсультантПлюс". Эту позицию можно проследить в решениях Европейского суда по делам "Секвейра против Португалии" и "Шэннон против Соединенного Королевства", в Постановлении Европейского суда от 24 июня 2008 г. по делу "Милиниине против Литвы", жалоба N 74355/01, Постановлении Европейского суда по делу "Малининас против Литвы" и Постановлении Европейского суда от 16 июля 2009 г. по делу "Горгиэвски против "бывшей Югославской Республики Македония".

Это связано с тем, что выявление факта сотрудничества неизбежно приводит к обсуждению вопроса о пределах допустимого поведения со стороны правоохранительных органов при проведении ОРД и необходимости рассмотрения вопроса о провокации <8>.

<8> Подробнее о вопросах провокации при проведении ОРМ см.: Скабелин С.И. К вопросу об основаниях признания действий правоохранительных органов провокацией в свете решений Европейского суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2012. N 3. С. 213 - 223; Караманукян Д.Т. Провокация преступлений в прецедентном праве Европейского суда по правам человека // Актуальные вопросы публичного права. 2013. N 1. С. 10 - 24; Капинус О.С. Практика Европейского суда по правам человека по вопросу провокации преступления и ее уголовно-правовое значение // СПС "КонсультантПлюс".

Вопросам провокации уделяется особое внимание с момента вынесения ЕСПЧ Постановления по делу "Тейшейра де Кастро против Португалии", в котором впервые был поднят вопрос о провокационности действий сотрудников полиции в отношении заявителя <9>.

<9> Пункт 39 Постановления ЕСПЧ по делу "Тейшейра де Кастро против Португалии" (Teixeira de Castro v. Portugal), Reports 1998-IV // СПС "КонсультантПлюс".

В решениях ЕСПЧ по делам Быкова, Веселова и других необходимость разграничения понятий частного заявителя и лица, сотрудничающего с правоохранительными органами, выявлена достаточно определенно.

Проведение именно такой демаркационной линии не является случайным. Из этих решений ЕСПЧ следует, что в процессе доказывания совершения преступления к данным лицам, а соответственно, и к получаемой от них информации надлежит **применять различные требования**.

В деле "Быков против Российской Федерации" в отношении заявителя проводилась негласная операция в связи с информацией, поступившей от "представителя окружения Быкова" - В., о том, что Быков дал ему поручение убить бывшего партнера по бизнесу. Не исполнив поручение, В. обратился в правоохранительные органы, которые организовали ОРМ в отношении заявителя. С этой целью В., снабженный средствами радиопрослушивания и записи, посетил место жительства Быкова, где завел разговор о якобы совершенном убийстве и передал вещи, подтверждающие выполнение порученной работы. Итогом проведения ОРМ стало получение 16-минутной записи диалога, а также обыск жилого помещения и задержание Быкова. Несмотря на то что заявитель настаивал на том, что вмешательство в его частную личную жизнь проводилось именно "агентом милиции", ЕСПЧ анализировал в первую очередь обоснованность такого вмешательства, обойдя вопрос о статусе В. в данном деле <10>.

<10> Подробнее о нарушениях, допущенных в деле "Быков против Российской Федерации", см.: Воскобитова М.Р. От чего может защитить ЕСПЧ? // Новая адвокатская газета. 2011. N 20.

В деле "Веселов и другие против Российской Федерации", наоборот, пристальное внимание уделено именно статусу сотрудничающего лица, что в совокупности с более ранними постановлениями <11> позволяет получить общее представление о позиции ЕСПЧ в отношении "агентов", "информаторов" или, применительно к российскому законодательству, "лиц, содействующих правоохранительным органам". По-видимому, каждый из данных терминов имеет различное содержание и обозначает разный статус участников. По мнению автора, такие расхождения можно объяснить, с одной стороны, различиями правового регулирования государств - участников Конвенции, а с другой - стремлением ЕСПЧ в своих решениях показать смысловую нагрузку такого содействия правоохранительным органам.

<11> Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу "Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации", жалоба N 53203/99; Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. по делу "Худобин (Khudobin) против Российской Федерации", жалоба N 59696/00; Постановление ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу "Банникова (Bannikova) против Российской Федерации", жалоба N 18757/06 // СПС "КонсультантПлюс".

Веселов, как и остальные два заявителя, был признан виновным в совершении преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков. Жалобы были рассмотрены в рамках единого производства в связи со схожестью фактических обстоятельств, а также выявленных нарушений Конвенции. Каждый из заявителей являлся объектом негласных мероприятий в форме проверочной закупки.

Как и в деле Быкова, власти Российской Федерации утверждали, что в правоохранительные органы обратилось частное лицо (в случае Веселова это был гражданин Х.) с заявлением о наличии сведений о продаже наркотиков, после чего незамедлительно была проведена проверочная закупка. Однако в деле Веселова, в отличие от дела Быкова, на стадии судебного разбирательства адвокат защиты безрезультатно ходатайствовал о приобщении к материалам уголовного дела в качестве доказательств судебных актов, подтверждающих, что Х. ранее выступал в качестве покупателя при проверочных закупках, никак не связанных с данным уголовным делом. Более того, сотрудники, проводившие ОРМ, сообщили, что до получения информации от Х. Веселов не был известен как продавец наркотиков. Исходя из этого, сторона защиты настаивала на провокации и указывала на то, что Х. являлся информатором. Повторно выдвинутые доводы во время оспаривания отказа суда первой инстанции принять соответствующие документы в качестве доказательств успеха не принесли. В целом схожая ситуация наблюдалась и в двух других делах.

Несмотря на то что власти Российской Федерации настаивали на наличии независимого источника информации при проведении ОРМ - т.е. частного лица, Европейский суд указал, что представленные доказательства подтверждают долгосрочное сотрудничество того же Х. с правоохранительными органами и наличие у него статуса информатора.

Рассмотрение исследуемых вопросов в решениях ЕСПЧ по делам Быкова и Веселова позволяет прийти к следующим выводам:

1. Дело Быкова представляет собой яркий пример проведения ОРМ при участии заявителя о преступлении, который имеет статус **частного лица** (private individual). Рассмотрение правоохранительными органами обращения заявителя в общем порядке являлось обязанностью государства и было

направлено на защиту прав и свобод граждан. Привлечение заявителя к проведению ОРМ с учетом специфики проводимого негласного мероприятия было обоснованным с точки зрения действующего на тот момент национального законодательства, а также отвечало требованиям Конвенции и ее толкованию ЕСПЧ.

2. Дело Веселова, напротив, продемонстрировало необходимость тщательного рассмотрения вопроса о требованиях, предъявляемых к лицам, сотрудничающим с правоохранительными органами.

Прежде всего ЕСПЧ напомнил, что вопрос проведения негласных мероприятий, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков и коррупцией, имеет особенности, не раз затронутые в его практике. В частности, это вопросы провокаций при проведении ОРМ и защиты от злоупотреблений, вызванных использованием в процессе доказывания результатов подстрекательства <12>.

<12> Пункты 88 - 89 Постановления ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. по делу "Веселов и другие...".

Важен и тот факт, что для обеспечения гарантий против злоупотреблений правоохранительные органы должны иметь ясную и предсказуемую систему санкционирования, осуществления и контроля за проведением негласных мероприятий с участием информаторов. Несмотря на несколько декларативный характер этого утверждения, правило, сформулированное ЕСПЧ, имеет вполне конкретное выражение: в Постановлении проведен краткий сравнительный анализ законодательства европейских стран, посвященного данной проблеме <13>.

<13> Пункты 50 - 75 Постановления ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. по делу "Веселов и другие...".

В результате данного исследования, охватывающего 22 государства - участника Совета Европы, выявлено, что привлечение негласных сотрудников к проверочным закупкам и аналогичным негласным мероприятиям, а также порядок их проведения в целом схожи во многих государствах Европы, за исключением Ирландии, не имеющей нормативных актов, посвященных участию негласных сотрудников; в европейских государствах предусматривается процедура судебного или административного санкционирования таких мероприятий. По итогам этого сравнительного анализа можно судить о том, что ЕСПЧ особое внимание уделяет разграничению органов, осуществляющих проведение негласных мероприятий, от санкционирующих эти мероприятия структур, рассматривая

это в качестве необходимой гарантии защиты от различного рода злоупотреблений <14>.

<14> Вопрос о возможности и обоснованности введения в России независимого административного либо судебного контроля при проведении ОРМ в форме оперативного эксперимента и проверочной закупки требует более детального изучения и отдельного исследования.

Помимо этого, ЕСПЧ отметил важную роль наличия достаточной информации для проведения негласных мероприятий в случаях, когда в результате таких действий предполагается получение основных доказательств по делу. Причем речь не идет о результатах ОРД как доказательствах в уголовном деле. Внимание акцентировано исключительно на установлении причинно-следственной связи между проведением ОРМ и собиранием сведений, используемых в процессе доказывания в уголовных делах с высоким уровнем латентности, таких как взяточничество и преступления, связанные с оборотом наркотических веществ.

Вопрос достаточности как основания для проведения в отношении граждан ОРМ поднимался и ранее, в деле "Банникова против Российской Федерации". В нем изложена необходимость устанавливать наличие "объективного подозрения" в том, что лицо задействовано в преступной деятельности и предрасположено к совершению преступления, как меры предотвращения провокационных действий <15>.

<15> Пункт 38 Постановления ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу "Банникова (Bannikova) против Российской Федерации".

Подтверждая свою позицию, ЕСПЧ четко указывает на то, что власти должны доказать наличие конкретной и объективной информации, свидетельствующей о приготовлении к преступлению в случаях санкционирования проведения ОРД, а используемая властями информация должна допускать проверку <16>. Такой подход продиктован прежде всего необходимостью защиты интересов граждан от необоснованного преследования со стороны правоохранительных органов.

<16> Пункт 90 Постановления ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. по делу "Веселов и другие...".

Следует отметить, что по всем названным делам представители Российской Федерации указывали на то, что по законодательству России для

назначения и проведения ОРМ достаточно лишь заявления о преступлении. Однако ЕСПЧ, принимая во внимание установленный национальным законодательством порядок, но не считая себя связанным его рамками, указал на наличие системного дефекта, который приводит к невозможности вынесения Европейским судом решений в пользу Российской Федерации. Констатируя малую содержательную информативность решений о проведении ОРМ, а также отсутствие независимого контроля правоприменительных органов за законностью и обоснованностью решений о проведении сложных комплексных ОРМ, ЕСПЧ приходит к выводу о том, что "...российская система, в которой проверочные закупки и оперативные эксперименты всецело относятся к компетенции органов оперативно-розыскной деятельности, расходится с практикой, принятой большинством государств-участников. Европейский суд полагает, что этот недостаток отражает структурное уклонение от обеспечения гарантий против милицейского произвола..." <17>.

<17> Пункт 106 Постановления ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. по делу "Веселов и другие...".

Такое категоричное утверждение вызывает массу вопросов. Как следует трактовать приведенное утверждение Европейского суда: это сигнал о невозможности соблюдения прав и свобод человека без немедленного изменения законодательства РФ в части процедуры проведения и контроля за ОРМ или речь идет о том, что в отсутствие в Российской Федерации схемы проведения негласных мероприятий, доминирующей среди государств - участников Конвенции, достаточно усовершенствовать практику применения действующего законодательства?

Безусловно, приведение законодательства в соответствие с конвенциональными требованиями является приоритетным направлением политики любого правового государства, однако проблемы, выявленные ЕСПЧ, отчасти могут быть решены и при условии соблюдения требований, сформулированных в названных решениях ЕСПЧ. Действующее законодательство хотя и не содержит императивных положений, не позволяющих нарушать положения Конвенции в их истолковании ЕСПЧ, но и не препятствует соблюдению Конвенции, а на основании Федерального закона от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" обязывает применять исследуемые нормы именно в такой интерпретации.

Прежде всего необходимо понять, что особые правоотношения между правоохранительными органами и содействующими им гражданами не только позволяют более эффективно использовать ресурсы государства в борьбе с наиболее сложными с точки зрения доказывания преступлениями, но и

создают между ними устойчивую связь, которая не может не влиять на оценку полученных в результате ОРМ данных, на полное, объективное и всестороннее рассмотрение уголовного дела.

Стандарты оценки данных, полученных от названных граждан, должны быть более строгими, чем в случаях с заявителями или жертвами преступлений; они основываются на требованиях определенных ограничений для проведения ОРМ и использования полученных результатов с целью исключения злоупотреблений.

Фактически речь идет о разграничении функциональной активности граждан настолько, насколько это возможно в целях расследования. Если информатор - это лицо, собирающее необходимые для государственных органов сведения, то его участие при проведении ОРМ должно быть ограничено. Необходимо избегать ситуаций, когда одно лицо одновременно является информатором, участником ОРД (в роли взяткодателя или покупателя наркотических веществ) и заявителем о преступлении.

Безусловно, такой подход не должен препятствовать доступу лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами, к правосудию в случаях, когда в отношении этих лиц совершается преступление. Наличие устойчивых связей с гражданами, содействующими органам, осуществляющим ОРД, приводит к необходимости дополнительной, документально фиксируемой проверки получаемой от них информации.

Это необходимо для исключения сомнений в законности действий правоохранительных органов, а также для обеспечения безопасности граждан, оказывающих содействие правоохранительным органам. Кроме того, дополнительная проверка информации со стороны другого органа или ведомства, не проводящего оперативное мероприятие, позволит нивелировать проблему малой информативности при принятии решений о проведении ОРМ в форме оперативного эксперимента и проверочной закупки.

Изучение позиций ЕСПЧ по делам, ключевые доказательства по которым основывались на данных, полученных в результате ОРД, продемонстрировало, что необоснованная поспешность при проведении негласных мероприятий расценивается как негативная черта этой деятельности, которая в совокупности с проблемами контроля приводит к невозможности защиты интересов государства.

Однако не стоит расценивать такой подход как призыв к промедлению при принятии решений о проведении ОРД. Совершенно очевидно, что при надлежащем обосновании своевременность принятия решений является едва ли не важнейшим фактором фиксации преступлений с высоким уровнем латентности. Учитывая комплексный подход ЕСПЧ к проблемам злоупотреблений при проведении негласных операций, следует иметь в виду несостоятельность ссылок на неотложность начала проведения ОРМ в

качестве уважительной причины скудности проверки информации, послужившей основанием проведения ОРМ.

Особое значение это положение приобретает в ситуациях, когда лицо, в отношении которого проводилось ОРМ, до этого не попадало в круг интересов сотрудников правоохранительных структур, а информация, полученная из источников, не подлежащих раскрытию (например, тайных информаторов), легализуется посредством рапортов. Такой способ получения информации о преступной деятельности должен рассматриваться исключительно как "показания с чужих слов" (hearsay), т.е. в качестве показаний лица, которые основываются не на собственных знаниях, а на информации, полученной от третьих лиц <18>. Применение данной правовой конструкции нарушает положения п. 1 и пп. (d) п. 3 ст. 6 Конвенции, устанавливающие право каждого на справедливое судебное разбирательство и предполагающие невозможность использования в процессе доказывания информации, источник которой установить не представляется возможным. Более того, такие действия следует считать нарушением конституционного принципа презумпции невиновности, устанавливающего правило о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположении. Фактически возбуждение уголовного дела на основании рапорта, содержащего "показания с чужих слов", является нарушением целой группы взаимосвязанных принципов, обеспечивающих полное и всестороннее рассмотрение уголовного дела, так как сам факт начала производства по делу является незаконным.

<18> Подробнее о показаниях с чужих слов см.: Галяшин Н.В. Правило о недопустимости показаний с чужих слов (hearsay) в англосаксонском праве: историко-правовой аспект: Материалы Междунар. молодеж. науч. форума "Ломоносов-2014" / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2014; Он же: Оценка производных доказательств в уголовном судопроизводстве и возможности судебных экспертиз // Судебная экспертиза: методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции (г. Москва, 15 - 16 января 2014 г.). М.: Проспект, 2014.

Безусловно, невозможность раскрытия источников оперативной информации продиктована спецификой данного рода деятельности, состоящей прежде всего в потенциальной опасности для лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами. Однако именно предъявление более жестких требований к стандартам доказывания является одним из принципиальных различий ОРД и уголовного судопроизводства, указывающих на невозможность слияния двух разных по природе видов деятельности.

Пресечение практики, связанной с вовлечением лиц, содействующих

ОРД, в уголовный процесс в качестве заявителей, в совокупности с дополнительной, документально фиксируемой проверкой информации, полученной из "тайных источников", не только позволит существенно снизить фиксируемые ЕСПЧ и судами Российской Федерации провокации при проведении ОРД, но и защитит правоохранительные органы от необоснованных обвинений в провокационных действиях, предоставив дополнительные механизмы подтверждения обоснованности принимаемых государственными органами решений.

Таким образом, необходимость дифференциации правового положения процессуального статуса заявителя и статуса лица, содействующего органам, осуществляющим ОРД, обусловлена наличием правоотношений между правоохранительными органами и содействующими лицами, что, в свою очередь, требует осмысления и дальнейшей разработки вопросов, связанных с установлением пределов допустимого поведения сотрудников, проводящих ОРМ.

Возможно, позиции ЕСПЧ в отношении статуса участников ОРМ могут стать основой для создания унифицированной правовой модели, препятствующей нарушениям охраняемых Конвенцией прав человека.

Библиография

1. Воскобитова М.Р. От чего может защитить ЕСПЧ? // Новая адвокатская газета. 2011. N 20.
2. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
3. Галяшин Н.В. Правило о недопустимости показаний с чужих слов (hearsay) в англосаксонском праве: историко-правовой аспект: Материалы Международного молодежного научного форума "Ломоносов-2014" / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2014.
4. Галяшин Н.В. Оценка производных доказательств в уголовном судопроизводстве и возможности судебных экспертиз // Судебная экспертиза: методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 15 - 16 января 2014 г.). М.: Проспект, 2014.
5. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009. 376 с.
6. Капинус О.С. Практика Европейского суда по правам человека по вопросу провокации преступления и ее уголовно-правовое значение // СПС "КонсультантПлюс".

7. Караманукян Д.Т. Провокация преступлений в прецедентном праве Европейского суда по правам человека // Актуальные вопросы публичного права. 2013. N 1. С. 10 - 24.

8. Скабелин С.И. К вопросу об основаниях признания действий правоохранительных органов провокацией в свете решений Европейского суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2012. N 3. С. 213 - 223.

Информация о публикации для оформления ссылки:

Обидин К.В. Некоторые особенности правового статуса лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 7. С. 144 - 151.